
ЭТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ» В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ И ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Н.М. Дмитриева

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, Россия, 460018

В статье рассматривается концепт «радость» с этической точки зрения. Анализ этической нагрузки концепта проведен на основе сопоставления словарных дефиниций церковнославянского и древнерусского языков. Обращение к церковнославянскому языку обусловлено тем, что он запечатлел систему христианских нравственных ценностей, составивших основу русской этической концептосферы. Новым в работе является исследование концепта «радость» как этического концепта русской языковой картины мира. Определены этические смысловые доли концепта: «состояние внутренней гармонии себя с миром, благодати» и «радение, забота о ком-то с внутренней радостью и для радости другого». Установлены внутренние смысловые связи концепта «радость» с «милостью», «светом», «счастьем» и др., входящими в круг этических концептов. На основе анализа словарей сделан вывод, что в концепте «радость» ярче представлены этические смысловые доли, чем «материальные».

Ключевые слова: концепт, радость, этическая значимость, этическая нагрузка, смысловые доли

Концепт «радость» занимает центральное положение в русской языковой картине мира. К исследованию данного концепта обращались многие исследователи, при этом радость рассматривалась в большинстве случаев как эмоциональный концепт, хотя в работах П.С. Волковой, А.А. Зализняка, Л.И. Захаровой, В.В. Колесова, А.Б. Пеньковского, Ю.С. Степанова, В.И. Шаховского, К.В. Шмугуровой и др. отмечается его принадлежность не только к эмоциональной, но и к ценностно-ориентированной сфере.

Данная статья посвящена изучению формирования этической значимости концепта «радость» в церковнославянском языке, оказавшем огромное влияние на русскую культуру в целом и на систему нравственных ценностей в частности, и в древнерусском, под которым понимается восточнославянский и старорусский языки до XVIII вв. [1. С. 164].

Ю.С. Степанов рассмотрел внутреннюю форму слова-концепта «радость» и указал, что русское *рад* означает не только «испытывать радость», но и «быть готовым исполнить что-либо с радостью» [13. С. 453]. Последнее напрямую выражается глаголами «радети» и «радити» и связано с христианским представлением о деятельной любви к ближнему, которая, в свою очередь, приносит спасение душе. Таким образом, концепт «радость» включается в круг этических концептов: «любовь», «милосердие», «душа», «спасение» и др. Следовательно, радость возникает, во-первых, благодаря любви к тому, о ком человек радеет, кому помогает, о ком заботится с радостью; во-вторых, в связи с надеждой на спасение души для Небесного Царствия, так как исполняет христианские заповеди.

Ю.С. Степанов в итоге своих рассуждений определяет внутреннюю форму концепта «радость» по данным этимологии как «ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшие в ответ на сознание (или просто ощущение) гармонии меня со средой», «заботы» кого-то обо мне и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому...» [13. С. 453]. Здесь уместно привести замечание А.Б. Пеньковского о принадлежности радости, в сравнении с удовольствием, к более высокой, духовной сфере: «удовольствие — это радость тела», а «радость — это удовольствие души» [7. С. 148]. Кроме того, состояние гармонии человека с божьим миром, с Богом определяется в религиозном дискурсе как благодать. Исходя из внутренней формы слова-концепта «радость» мы можем определить его этические смысловые доли [2. С. 12]: «состояние внутренней гармонии с миром (благодати)», иначе «божественной гармонии» и «радение о ком-то с внутренней радостью и для радости другого».

«Естественно, что концепт с такой внутренней формой, — пишет Ю.С. Степанов, — оказался приемлемым для христианства и, с другой стороны, способным “принять в себя” христианскую струю» [13. С. 454]. Для полноты понимания этической значимости концепта «радость» необходимо обратиться к христианским текстам. В статье «Радость в православии» А.Г. Долженко указывает, что «радость» упоминается в Новом Завете почти 70 раз и приводит значимый пример: каждая литургия (главная православная служба) начинается с молитвы «Возрадуется душа моя о Господе...» и заканчивается «...Исполни радости и веселия сердца наша» [3].

По нашим подсчетам, только в Евангелиях вербализаторы концепта «радость» употребляются более чем в 40 контекстах. Следует отметить, что самое частотное упоминание о радости связано с пониманием ее как чувства благодати, гармонии с миром: «Увидев же звезду, они *возрадовались радостью* весьма *великою*» (Матф. 2:11); «*Радуйтесь и веселитесь*, ибо велика ваша награда на небесах» (Матф. 5:12); «Сие сказал я вам, да *радость* моя в вас пребудет и *радость* ваша будет *совершенною*» (Иоанн. 15: 11); «И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и *радостью великою* побежали возвестить ученикам Его» (Матф. 28: 8). Причем эта смысловая доля повторяется и в приветствии: «Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: *радуйтесь!*» (Матф. 28: 9). В словаре церковнославянского языка Г. Дьяченко зафиксировано значение слова **радоватиса** — приветствие, употребляемое в письмах в значении «мира благого». Использование этого «высокого» приветствия Иудой подчеркивает непомерную тяжесть предательства: «И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его» (Матф. 26:49).

Радость в Святоотеческом предании — должное состояние христиан, ради которых Сам Бог приходил на землю: «надо радоваться, радоваться о Господе» (Флп 3:1; 4:4), «радоваться с радующимися» (Рим. 12:15), «радостью неизреченною» (1 Пет. 1:8), «всегда радоваться» (1 Сол. 5:16). Все православные акафисты построены на глаголе «радуйся» и здесь, на наш взгляд, проявляются обе этические смысловые доли. Речь идет одновременно о чувстве божественной гармонии и о божественной заботе. Это просьба к святому, Богородице или Самому Богу радовать, заботиться о просящем. Фраза «надо радоваться о Господе» означает не

только «испытывайте радость, потому что с нами Бог», но также и «радейте, трудитесь для Бога, во славу Божию».

В христианской традиции говорится о существовании радости человеческой (душевной и духовной) и радости божественной (благодати, божественной гармонии человека с миром). Старец Паисий Святгорец говорил: «Тот, кто что-то берет, принимает радость человеческую, а тот, кто дает, принимает Божественную радость» [12. С. 169]. Примечательно, что это свойство радости, которое святые познают духовно, наитием, ученые открывают посредством языка. А.Б. Пеньковский пишет о возвращении радости к тому, кто является ее источником. Этот тезис автор основывает на анализе морфологических связей вербализаторов концепта «радость»: глагол «радоваться» и прилагательное «рад» управляют дательным падежом имени, где значение инициатора эмоционального состояния совмещается со значением адресата. Мысль Паисия Святгорца о том, что дающий (т.е. радеющий, заботящийся) приемлет большую, Божественную радость, перекликается с высказыванием А.Б. Пеньковского: «От человека в мир и из мира в человека — таков нормальный круг радости» [7. С. 154]. А.Б. Пеньковский, не называя, по сути пишет о человеческой и божественной радости. По его мнению, радость существует в двух ипостасях: радость души и радость тела, «первая одухотворяет и освящает человеческое, поднимая его к горнему свету», «вторая во-человечивает небесное, принимаемое и постигаемое умным сердцем» [7. С. 152]. Интересен тот факт, что анализируя семантические (и этические) различия радости и удовольствия, исследователь заключает, что в языке радость, несмотря на ее принадлежность к духовной сфере, более реальна, чем материальное удовольствие. Такое заключение подчеркивает характерную для русской ментальности высокую значимость духовной сферы в сравнении с земной, материальной.

Мы проанализировали данные о вербализаторах концепта «радость» в словарях церковнославянского и древнерусского языков. В словаре Г. Дьяченко указывается первоначальное значение корня рад-, а именно: «блестящий, просветленный». «Просветленный», на наш взгляд, связан с христианским пониманием света как божественного свойства и соотносится с параллелями света и радости в других языках, установленными Ю.С. Степановым [13. С. 447]. С корнем рад- в словаре Г. Дьяченко встречаются следующие слова: «**радованный**» (радостный), «**радоватиса**» (приветствие, употребляемое в письмах в значении «мира благого»), «**радонница**» (поминование усопших, с благочестивым намерением разделить великую радость Пасхи и с умершими в надежде блаженного воскресения), «**радостно**» (весело, с радостью), «**радостноименный**» (тот, который в своем имени заключает радостное знаменование, например, Анна значит не только «благодать», но и «утеха, ласка»), «**радѣніе**» (старание, подвиг), «**радѣ**» во втором и третьем значениях (веселый, радостный); «**радѣтельный**» (попечительный, старательный (от глагола «радѣть» — заботиться)) [4]. При этом «**вѣселъ**» в словаре определяется как радостный, бодрый, с хорошими мыслями, спокойный и связывается с санскритским корнем -vas- — «любить, сиять, блестеть». Отметим, что внутренняя смысловая связь радости и веселья со светом (значение «просветленный»), сиянием, блеском подчеркивает их отношение к высокому, горнему миру [8. С. 24].

«Материальное» значение встречается только у слова «**радованіе**» — радость, роскошь, удовольствие (**роскошованіе** — достаток).

Смысловую долю «божественная гармония» находим в древнерусских словах: «**радъ** в значении ‘блажен’, «**радование**» (‘радость’; ‘ликование, торжество’), «**радоватися**» (‘радоваться, веселиться; находить удовольствие в чем-либо, любить что-либо’; в значении приветствия), «**радуяся**» (‘радостно, с радостью’), «**радостивый**» (‘дающий радость’), «**радостнѣ**» (‘радостно’), «**радостновѣщательнѣ**» (‘возвещающая о радости’), «**радостнооский**» (‘имеющий веселый или приветливый взгляд’), «**радостнотворный**» (‘доставляющий радость’; ‘исполненный радости’), «**радостный**» (‘радостный, исполненный радости, пребывающий в радости’; ‘доставляющий радость, приятный’), «**радостножелаанный**» (‘ожидаемый с радостью, горячо желаемый’), «**радостноименитый**» (‘носящий имя радости, милости, благодати’), «**радостотворецъ**» (‘тот, кто дает радость’), «**радостотворимый**» (‘превращающийся в радость, дающий радость’), «**радостотворно**» (‘радостно’), «**радостотворный**» (‘доставляющий радость, веселье’; ‘радостный, исполненный радости’; ‘веселье, ликование’; ‘милость’), «**радошный**» (‘радостный’), «**радощами**» (‘от радости, радуясь’), «**радство**» (‘радость’), «**радость**» (‘радость’; ‘веселье, ликование’) [10]. Отметим, что в слове «веселье» в древнерусском языке проявляется «материальная природа» исследуемого концепта. Так, в словарных толкованиях встречается: «**веселити**» (веселить, радовать), «**веселитися**» (веселиться, радоваться; процветать, быть изобильным), «**весело**» (весело; скоро, поспешно), «**веселоватый**» (процветающий, радующий взгляд изобилием), «**веселообразный**» (имеющий веселый вид; бодрый, жизнерадостный), «**веселый**» (веселый, радостный; вызывающий, доставляющий радость, веселье; скоморох, певец, музыкант, плясун), «**веселье**» (веселье, радость; развлечение, увеселение; свадьба); «**весельно**» (весело; смело, отважно), «**весельствовати**» (радоваться, торжествовать) [9]. Как видим, в древнерусском языке за словом «радость» закрепляются в основном духовно-этические смысловые доли концепта, за весельем, наоборот, его материальное, земное понимание. Связь радости с этическими концептами «милость», «милосердие» явственно прослеживается в слове «**радостотворный**», имеющем переносное значение «милость».

Смысловая этическая доля концепта «радение о ком-то с внутренней радостью и для радости другого» вербализуется в широком круге лексем: **радъ** (охотно, с удовольствием, с готовностью; рад, согласен (что-либо делать); усердный, ревностный), **радѣйствовати** (ревностно заботиться о чем-либо), **радѣльникъ** (тот, кто радеет), **радѣльный** (прилежный, усердный), **радѣнный** (заботящийся о чьей-либо пользе, радательный), **радѣнье** (забота, попечение; усердие, старание о чьей-либо пользе), **радѣтель** (тот, кто радеет, ревностно заботится о чьей-либо пользе), **радѣтельно** (усердно, ревностно), **радѣтельный** (радательный, усердный), **радѣтельство** (усердие, старание), **радѣти** (стремиться, спешить; заботиться, печься, стараться, усердно заниматься чем-либо; стараться о чьей-либо пользе, доброжелательствовать кому-либо; кому-то что-то желать); **радиво** (стремительно, проворно), **радити** (иметь попечение, думать, заботиться, беспокоиться) [10]. Предлог «ради» также реализует указанную смысловую долю: в одном из четырех

значений употребляется в сочетании с существительным, обозначающим предмет заступничества, ходатайства [10]. В Словаре древнерусского языка И.И. Срезневского предлог указан в шести значениях, однако примеры, приводимые в словаре, подчеркивают его этическую нагрузку: для указания назначения (живота ради), для указания подчинения (смириться Бога ради), для обозначения возмездия (принял смерть грех ради наших, т.е. радея, заботясь о нас), для обозначения причинной связи (Яко послал мя живой Отец, и аз живу Отца ради) [11].

Кроме того, в словаре И.И. Срезневского встречаются и другие отличия в трактовке лексем, вербализующих концепт «радость». Так, автор указывает глагол **радоватися** в значении, далеком от этического, а именно «быть довольным», при этом в его словаре встречается слово **радованыи** с высокой долей этической нагрузки — «украшенный добротами», что означает прежде всего «добродетельный», «готовый к благодетанию». В слове «радость» в значении подчеркнута отнесенность радости прежде всего к духовной сфере: «чувство душевного удовлетворения, веселья» [11].

«Материальное» понимание радости, т.е., по А.Б. Пеньковскому, «радость тела» нами отмечено в значениях лексем «радование» («то, что дает радость»), «радоватися» («находить удовольствие в чем-либо»), «радостный» («приятный»; *о человеке также* «любезный, обходительный»; «изъявляющий усердие, готовность»; «относящийся к свадьбе»), «радость» («событие, лицо, вызывающее это чувство»; «дружелюбие, приветливость»), «радостьюма» («розовая вода или розовое масло»). На первый взгляд, связь последнего слова с радостью кажется формальной, однако, не углубляясь в этимологию, можно установить семантическую близость: розовая вода — предмет роскоши, то что приносит радость человеку в земной жизни. Интересна связь радости и свадьбы (радостный — относящийся к свадьбе; радость — свадьба, бракосочетание) [10], так как здесь, на наш взгляд, реализуется двойственная принадлежность концепта «радость» к миру горнему и дольному (земному). Свадьба — главное событие в жизни человека, в прежние века необходимое и ожидаемое, определяющее его дальнейшую жизнь на земле. Это одновременно радостное событие, земной праздник и радость души. Существование слова «радостивьи», обозначающее «исполненный прелести, то есть внешней красоты» [11], свидетельствует, с одной стороны, о связи радости с земной жизнью человека, с удовольствием (внутренними, физическими ощущениями), с другой, — о связи радости и красоты как божественных, духовных сущностей.

Наличие большего количества дериватов в древнерусском языке в сравнении с церковнославянским свидетельствует об увеличившейся значимости концепта «радость», а реализация этических смысловых долей «чувство божественной гармонии» и «с радостью заботиться о ком-то, принося ему радость» практически во всех лексемах говорит о том, что в древнерусском языке концепт «радость» занимает центральное положение в этической концептосфере. При этом следует отметить расширение семантических оттенков радости как в ее материальном понимании, так и в высоком духовном.

Итак, мы установили этические смысловые доли концепта «радость»: «состояние внутренней гармонии себя с миром (благодати, божественной гармонии)»

и «радение о ком-то с внутренней радостью и для радости другого». Определили внутренние смысловые связи концепта «радость» с концептами «милость», «свет», «счастье» и др., что подтверждает вхождение «радости» в круг этических концептов. Выявили активное употребление вербализаторов концепта «радость» в древнерусском языке в этических смыслах. Подтвердили принадлежность радости одновременно к духовной и материальной сферам, причем выявили на основе данных словарей церковнославянского и древнерусского языков, что в духовном аспекте концепт «радость» представлен в большей степени, чем в материальном.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бекасова Е.Н.* Вопросы образования и развития русского литературного языка. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. 228 с.
- [2] *Дмитриева Н.М.* // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2013. № 4. С. 2—18.
- [3] *Долженко А.Г.* Девятая заповедь блаженств. О христианской радости // VERBUM: язык, текст, словарь: Сб. научн. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 165—179.
- [4] *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2001. 720 с.
- [5] *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб.ст. М.: Яз. слав. культуры, 2005. 540 с.
- [6] *Захарова Л.И.* Об антиномиях и синкретизме русского языкового сознания (на примере концепта «радость») // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2009. № 3. С. 57—63.
- [7] *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
- [8] *Пеньковский А.Б.* Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 148—154.
- [9] *Пороль О.А.* Изучение произведений с библейскими мотивами // Литература в школе. 2007. № 6. С. 23—25.
- [10] Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975. 319 с.
- [11] Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 21. М.: Наука, 1995. 280 с.
- [12] *Срезневский И.* Словарь древнерусского языка. В 3 т. М.: Книга, 1989.
- [13] *Старец Паисий Святогорец Слова. Т. 2.* Духовное пробуждение. М.: Святая Гора, 2010. 347 с.
- [14] *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 419.
- [15] *Шаховский В.И., Волкова П.С.* Этико-эстетический аспект экологичности эмоций в произведениях искусства // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2015. № 1. С. 31—41.
- [16] *Шмугурова К.В.* Концепты «тоска» и «радость» в художественной картине мира (на материале лирики И.А. Бунина, Ф. Сологуба, И.Ф. Анненского): дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011.

THE ETHICAL MEANING OF THE CONCEPT “JOY” IN CHURCH-SLAVONIC AND OLD RUSSIAN LANGUAGES

N.M. Dmitrieva

The Chair of Russian philology and methods of Russian language teaching Orenburg State
University
Pobedy ave., 13; Orenburg, Russia, 460018

The article discusses the concept of “joy” from an ethical position. An analysis of the ethical meaning of a concept is based on comparison of dictionary definitions of Church Slavonic and Old Russian languages. The author studies Church Slavonic language due to the fact that it embodied the Christian system of moral values that formed the basis of Russian ethical sphere. New in this work is a study of the concept “joy” as an ethical concept of the Russian language picture of the world. The author defines ethical notional component of the concept as “a state of inner harmony with the world, grace and zeal, care about someone with inner joy and for the joy of another”. The article installs internal semantic context of the concept “joy” with “mercy”, “light”, “happiness” and other ethical concepts. The author comes to a conclusion that the concept “joy” presents brighter ethical meaning than material ones.

Key words: concept, joy, ethical meaning, semantic components

REFERENCES

- [1] Bekasova E.N. Voprosy obrazovaniya i razvitiya russkogo literaturnogo jazyka [Questions of education and development of the Russian literary language]. Orenburg: Publ. OSPU, 2006. 228 p.
- [2] Dmitrieva N.M. Jetcheskoe napolnenie koncepta «schast'e» v russkoj jazykovej kartine mira [Ethical filling of a concept “happiness” in the Russian language picture of the world] / N.M. Dmitrieva // Vestnik RUDN. Series “Russian and foreign languages and methods of their teaching”. RUDN. 2013. № 4. P. 12—18.
- [3] Dolzhenko A.G. Devjataja zapoved blazhenstv. O hristianskoj radosti [Ninth precept of blazhenstvo. About Christian pleasure] / A.G. Dolzhenko // VERBUM: yazik, tekst, slovar: Sb. nauchn. tr. Ekaterinburg: Izdat. Ural. univer., 2006. P. 165—179.
- [4] Dyachenko G. Polnyj cerkovno-slavjanskij slovar [Unabridged Church Slavonic dictionary]. M.: Otchij dom, 2001. 720 p.
- [5] Zaliznjak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Kljuचेve idej russkoj jazykovej kartiny mira [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Sb.st. / A.A. Zaliznyak, I.B. Lewontina, A.D. Shmelev. M.: Slav. culture language, 2005. 540 p.
- [6] Zaharova L.I. Ob antinomijah i sinkretizme russkogo jazykovogo soznaniya (na primere koncepta «radost») [About the antinomies and the syncretism of the Russian language consciousness (for example, the concept “joy”)] // Vestnik RUDN. Russkij i inostranniye yaziki i metodika ih prepodavaniya [Vestnik RUDN. Series “Russian and foreign languages and methods of their teaching”]. 2009. № 3. S. 57—63.
- [7] Kolesov V.V. Russkaja mentalnost v jazyke i tekste [The Russian mentality in language and the text]. SPb.: Petersburg Oriental studies, 2006. 624 p.
- [8] Penkovskij A.B. Radost i udovolstvie v predstavlenii russkogo jazyka [Pleasure and pleasure in representation of Russian] / B.A. Penkovsky // Logicheskij analiz yazika: Culturnie koncepty. M., 1991. P. 148—154.
- [9] Porol O.A. Izuchenie proizvedenij s biblejskimi motivami [Studying of works with bible motives] / O.A. Porol // Literatura v shkole — Literature at school. 2007. № 6. P. 23—25.

- [10] Slovar russkogo yazika XI—XVII vv. V. 2 [Dictionary of Russian of the XI—XVII centuries. Release 2]. M.: Nauka — Science, 1975. 319 p.
- [11] Slovar russkogo yazika XI—XVII vv. V. 21 [Dictionary of Russian of the XI—XVII centuries. Release 21]. M.: Nauka — Science, 1995. 280 p.
- [12] Sreznevsky I. Slovar drevnerusskogo jazyka. V 3 t. T. 3 [Dictionary of Old Russian language. In 3 t] / I. Sreznevsky. M.: Kniga — Book, 1989.
- [13] Starez Paisij Sviatogorez Slova. T. 2. Duhovnoje probuzhdenije [Words. T. 2. Spiritual awakening]. M.: Publ.h. “Sviataya Gora”, 2010. 347 p.
- [14] Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar russkoj kultury [Constants: Dictionary of the Russian culture] / Yu.S. Stepanov. M., 2001. P. 419.
- [15] Shahovskij V.I., Volkova P.S. Jetiko-jesteticheskij aspekt jekologichnosti jemocij v proizvedenijah iskusstva [Ethic and esthetic aspect of environmental friendliness of emotions in works of art] / V.I. Shahovskij, P.S. Volkova // Vestnik RUDN. Seriya «Lingvistika». 2015. № 1. P. 31—41.
- [16] Smugurova K.V. Koncepty «toska» i «radost» v hudozhestvennoj kartine mira (na materiale liriki I.A. Bunina, F. Sologuba, I.F. Annenskogo): diss. ... kand. filol. nauk: spec. 10.02.01. [Concepts “melancholy” and “pleasure” in an art picture of the world (on material of lyrics of I.A. Bunin, F. Sologub, I.F. Annensky)] / K.V. Smugurova. Novosibirsk, 2011.